

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ И ИХ ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Л. БОРОДИНА «БЕЗ ВЫБОРА»

Федорченко Е. А.*Российская таможенная академия**140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На материале текста автобиографического повествования Л. Бородина «Без выбора» выявить когнитивные доминанты идиостиля писателя, интегрированные в процессы текстообразования и систему используемых языковых средств.

Процедура и методы. Для достижения заявленной цели реконструируются ментально-языковые стереотипы авторского сознания, предопределяющие особенности идиостиля. Теоретико-методологической основой исследования являются концепции, выработанные в рамках современной теории текста, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. При анализе материала использовались описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, методы контекстного и концептуального анализа с привлечением данных смежных наук – философии, социологии, литературоведения. В процессе сбора и обработки материала использовался метод сплошной выборки.

Результаты. Когнитивные доминанты идиостиля в тексте ментально детерминированы стремлением языковой личности автора к духовному возрождению России на рубеже XX–XXI вв., обретению ценностей христианской культуры и веры в Бога. Концепт «вера» представлен преимущественно религиозной лексикой русского языка. Лингвокультурологический потенциал данных слов связан с их контекстуальным переосмыслением, являющим контаминацию традиционного, религиозного содержания и содержания культурно-коннотированной лексики, номинирующей идеологемы XX в. Отражение в тексте процессов концептуальной интеграции результатов дискурсивной, стереотипной по своей природе деятельности множества субъектов представляется как одна из отличительных стилистико-текстовых особенностей речи автора, его коммуникативного пространства. Используемые автором композиционные формы подчинены динамике развития сложных концептуальных структур, являющих различные типы культурной информации, что обуславливает интертекстуальность авторского повествования – значительное количество прецедентных имён представителей русской религиозной философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, теории речевых жанров, описании языковой картины мира человека и процессов её изменения. Материалы могут использоваться в вузовских спецкурсах, посвящённых изучению языка писателя.

Ключевые слова: языковая личность автора, идиостиль, жанр, концепт «Вера», религиозная лексика, идеологема

COGNITIVE DOMINANTS OF THE AUTHOR'S IDIOSTYLE AND THEIR GENRE-FORMING FUNCTIONS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE "WITHOUT CHOICE" BY L. BORODIN

E. Fedorchenko*Russian Customs Academy**Komsomolsky prosp. 4, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation*

© CC BY Федорченко Е. А., 2021.

Abstract

Aim. Using the text of the autobiographical narrative “Without choice” by L. Borodin, we identify the cognitive dominants of the idiostyle that are integrated into the processes of text generation and the system of language means.

Methodology. We reconstruct the mental and linguistic stereotypes of the author’s consciousness, which determine the features of the writer’s idiostyle. The research relies on the descriptive method, the method of analyzing dictionary definitions, and the methods of contextual and conceptual analysis.

Results. The analysis shows that the cognitive dominants of the idiostyle in the text are mentally determined by the constants of the author’s linguistic personality, reflecting the need for the spiritual revival of Russia at the turn of the XX–XXI centuries, the acquisition of the values of Christian culture and faith in God. The concept of “faith” is represented mainly by the religious vocabulary of the Russian language. The linguistic and cultural potential of these words is associated with their contextual reinterpretation, which is a contamination of traditional and religious content and the content of culturally connoted vocabulary, nominated as ideologemes of the twentieth century. The reflection of the processes of conceptual integration of the results of discursive and stereotypical activity of many subjects in the text is presented as one of the distinctive stylistic and textual features of the author’s speech, his communicative space. The compositional forms used by the author are subject to the dynamics of the development of complex conceptual structures that represent various types of cultural information, which determines the intertextuality of the author’s narrative – a significant number of precedent names of the Russian religious philosophy.

Research implications. The obtained research results can be used in the theory of text, the theory of speech genres, the description of the linguistic picture of the human world and the processes of its change. The materials can be used in university special courses dedicated to the study of the writer’s language.

Keywords: author’s linguistic personality, idiostyle, genre, concept of faith, religious vocabulary, ideologeme

Введение

Языковая личность автора получает отражение в идиостиле созданных текстов. И чем масштабнее личность писателя, глубже система его мировоззренческих установок, теснее связь личной судьбы с судьбой своего народа и своей страны, тем более многогранными могут быть проявления идиостиля автора в его произведении. Многоаспектное осмысление понятия «идиостиль» в лингвистической литературе последних десятилетий, характеризующееся разнообразием теоретических ориентаций и новациями метаязыков отдельных научных сочинений [4; 6; 7; 8; 13 и др.], обуславливает необходимость установить в целях проводимого исследования основополагающие принципы определения понятия «идиостиль» и обозначить объём его содержания в рамках данной работы.

Изучение когнитивных доминант идиостиля Л. И. Бородинана материале автобиографического повествования «Без выбора»

ориентировано на традиционный для отечественной стилистики широкий подход к определению идиостиля. Идиостиль – это совокупность языковых средств и их композиционных форм, характеризующихся доминантностью в корпусе текстов одного автора и являющихся средством выражения определённого содержания как репрезентации индивидуальной картины мира.

Моделирование индивидуальной картины мира происходит под влиянием особенностей сознания человека и его представлений об окружающем мире. Поэтому идиостиль как «совокупность языковых стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя»¹, не может не быть категорией мировоззренческой, поскольку являет собой отдельные языковые факты как репрезентанты национально-культурного кода, менталитета, идеологии

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 95–96.

ческой системы. Представляется закономерным тот факт, что в связи с развитием когнитивного направления в коммуникативной стилистике текста идиостиль здесь также рассматривается комплексно: «как многоплановое проявление мировидения автора в структуре, семантике и прагматике текста» [4, с. 166], – а при соотнесении понятий *идиолект* и *идиостиль* для целостного описания идиостиля автора предлагается систематизировать множество аспектов идиостиля: культурно-исторический, жанровый, психолингвистический, когнитивный, аксиологический, системно-структурный, семантико-стилистический, лингвопоэтический [8].

В многомерном пространстве текста автобиографического повествования Леонида Бородин «Без выбора» проявляются когнитивные доминанты языковой личности автора, предопределяющие процессы текстопорождения, организующие систему используемых языковых средств и тем самым устанавливающие значимые языковые характеристики идиостиля. Таким образом, категория языковой личности непосредственно или опосредованно интегрирует все значимые характеристики идиостиля, а предопределяющие процессы текстопорождения когнитивные доминанты языковой личности автора¹ на уровне текста формируют когнитивные доминанты идиостиля – актуальные для языковой личности понятия, идеи, концепты, системы ценностей, относящиеся к её лингвокогнитивному уровню и получающие реализацию в текстовой деятельности – первичной (связанной с созданием текста и соответствующей известным этапам риторического канона) и вторичной (включающей этапы восприятия, интерпретации, понимания) [4].

Обращение к итоговому во многих смыслах сочинению Леонида Бородин –

¹ В научных работах также используется близкий по значению термин *когнитивный стиль*, введение которого в научный аппарат осложнено его неоднозначной интерпретацией представителями различных научных школ [5].

автобиографическому повествованию «Без выбора» – обусловлено не только его высокой национально-культурной ценностью. Уникальные жанровые характеристики данного сочинения представляют богатый материал для исследования актуальной научной проблематики, связанной с категориями *языковая личность* и *идиостиль писателя*.

Жанровое своеобразие автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора»

Не всегда интенции автора и авторское определение жанра произведения однозначно понимаются и безусловно принимаются читателями. Несмотря на высокую оценку в обществе данного произведения (за это сочинение автор был награждён в 2004 г. «Большой литературной премией России» Союза писателей России), Л. И. Бородин в одном из интервью с горечью отмечал, что его не поняли. Это произведение называли и сейчас называют книгой воспоминаний, мемуарами, документальным произведением, публицистикой, в то время как был создан тяготеющий к синкретизму жанр, органично сочетающий эпическую широту повествования с глубокой философской рефлексией и открытой публицистической полемикой. В уникальных стилистико-текстовых композиционных формах была реализована основная интенция автора – раскрыть причины развала СССР. Автор пишет: «главная цель сего писания – не автобиография, но попытка определения причин той трагедии, что произошла со страной. То есть – как я понимал эти причины, как соотносились мои личные действия и поступки с этим пониманием»². Воспоминания писателя о своей жизни и размышления по поводу этих воспоминаний, рассказы о людях, с кем сводила судьба, и история взаимоотношений с этими людьми (среди которых политические деятели, деятели культу-

² Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 102–103.

ры, науки, сферы образования) – всё это создаёт целостную картину, организующим стержнем которой является процесс трансформации ментальности советского человека (*тихий процесс умирания его веры в социалистическую идею*), представленный как опыт духовного самоанализа автора, описание истории его жизни. И эта личная история на фоне событий государственного масштаба обретает общественно значимое звучание, поскольку воплощает процессы изменения не только индивидуального, но и общественного сознания. В осмыслении процесса разрушения огромного государства автор стремится к объективности, представляет это как глобальную катастрофу, которая вызрела в недрах советской действительности. Однако концептуальная установка на «правду» (концепт «Правда» является одним из основных в произведении) побуждает автора к признанию: «как ни изощрайся в объективности, “объективность” про самого себя – то всегда есть всего лишь нечто из области желаемого, но неосуществимого вполне. Мало того, что “всего” о себе никогда не расскажешь – не на исповеди же! Когда же на исходе лет пытаешься восстановить события молодости, то “розовый” отблеск молодости-юности едва ли вообще устраним из такого повествования»¹. И этот «розовый» отблеск, и ещё многое, многое другое – стихи, любимые сибирские песни, авторские «фантазии», мистификационные символы (водка «как символ России»; описание крысы на свалке в одной из лагерных зон, к которому автор неоднократно возвращается на страницах произведения, что превращает крысу в символ и являет, используя авторскую номинацию, целую «крысиную парадигму») – не позволяет отнести автобиографическое повествование «Без выбора» исключительно к документальным (или публицистическим) жанрам.

Ментально-языковые стереотипы авторского сознания

Текст автобиографического повествования «Без выбора» представляет огромное коммуникативное пространство языковой личности автора в динамике становления его личности, и его коммуникативного пространства.

Определённые когнитивные стереотипы как устойчивые фрагменты картины мира, хранящиеся в сознании, формируются уже в раннем детстве. Благодаря воспитанию бабушки, учительницы по профессии (научившей главному, что нужно в детстве, – «жить с книгой»², сумевшей в доступной детскому сознанию форме передать картины русской истории с незапамятных времён – «где-то с “царя Салтана”»³), в детской душе формируется чувство национальной идентичности («повезло в самом раннем детстве в той или иной форме получить весомый заряд национального чувства»⁴). И это национальное чувство прочно связано с произведениями русской литературы как воплощением **единого национального духа**: «Как ныне собираются...» знал в восемь, “Песнь про купца...” в девять, в это же время – “Тарас Бульба” и “Капитанская дочка”. Фет, Тютчев, Майков, Полонский...»⁵ (выделено нами. – Е. Ф.). Примечательно, что в авторском повествовании особым образом преломляется своеобразие детского восприятия мира. Как известно, детское сознание в норме ориентировано не на рассуждение, а на действие. Подобным образом (с акцентом на поступки, действия) строит автор повествование о своём детстве и отрочестве.

Однако рефлексия взрослого, сформировавшегося человека отражает в реалистичных картинах описаний детства, являющих абсолютные семейные ценности, непререкаемый авторитет старшего поколения, всё же определённую ущербность воспитания с точки зрения исторически сформировавшихся национально-культурных традиций

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 9.

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

жизни русского народа: «То было **поле духа, единого национального духа**, но, как понял много позднее, духа всё же **ущербного**, ибо **без высшей явности духа – Духа Свята**; о Его присутствии в мире мне поведено не было. И эта **ущербность воспитания** так и осталась до конца не преодоленной»¹ (выделено нами. – Е. Ф.).

Высокая духовность русской классической литературы, утверждаемые ею нравственные ценности («некрасовский плач о страдальце-народе образом “нежжатым полюсы” прочно окопался в душе»²) формируют ту самую «отзывчивость», которая предопределяет судьбу человека. Аксиологические доминанты национальных культурных концептов *Добро, Семья, Родина / государство / Отечество / Отчизна, Любовь, Доверие, Свобода* и другие³ закрепляются в языковом сознании автора уже в раннем возрасте и оказывают существенное влияние на его коммуникативное поведение.

Контраст идеалов духовной жизни и реалий жизни общественной представлен писателем как основной конфликтогенный элемент его языковой картины мира: «Из детства в юность я вышел **верноподданным и патриотичным. Слишком верноподданным и слишком патриотичным**, чтобы не реагировать на все чаще замечаемое несоответствие существующего должному. Должному по отношению к Великой Идее, каковая, по моему пониманию, просто не имела права не быть совершенной»⁴ (выделено нами. – Е. Ф.).

И этот глубокий непреодолимый конфликт, влияющий на сознание человека, обуславливал формирование в окружающей среде двух основных разновидностей стереотипного социального поведения: «**Всё дальнейшее зависело от особенностей характера. Человек или замыкался**

в своей оппозиционности на территории кухни, а за пределами её цинично “играл по общим правилам”, или, покидая территорию, пытался так или иначе реализовать свою оппозиционность через общение с себе подобными»⁵. Но и в том, и в другом случае имело место изматывающее духовное «двоение», грозившее началом духовного распада или в той или иной мере приводившее к негативным ментальным трансформациям. «**И не лукавость ли стала определяющим стереотипом поведения советских людей последних советских десятилетий?**»⁶ – спрашивает автор (выделено нами. – Е. Ф.).

Осмысливая своё социальное поведение, писатель показывает изменения, происходившие в сознании, сквозь призму собственного восприятия своей личности и отражения своей личности в сознании окружающих людей. Этот постоянно меняющийся в произведении «фокус» восприятия – в структуре одного абзаца нередко звучит многоголосие субъектов речи – позволяет достигать в тексте произведения высокой степени объективности описания: «**Любящие девушки уважительно считали нас “идейными”, равнодушные считали “чокнутыми на политике”**. И те, и другие были по-своему правы. Много позднее я придумал-сочинил объяснение тому странному явлению “выпадания” таких, как мы, из **нашего поколения**, которому уже и тогда всё было “до лампочки”. Суть придумки в том, что известны, к примеру, люди с повышенной болевой чувствительностью. Ненормальность. В некотором смысле – уродство. Но попадаются и люди с повышенной социальной чувствительностью – это такие, как я. Из таких формируется разная революционная сволочь, готовая не только сама сгореть в костре политических страстей, но и подпалить всё вокруг себя, поскольку утробный девиз худших из таких натур: **всё или ничего!**»⁷ (выделено нами. – Е. Ф.).

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 9.

² Там же.

³ См. Антология концептов: в 8 т. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.

⁴ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ Там же. С. 50.

И это «*всё или ничего*», неоднократно повторяющееся в различных вариантах, автор концептуально связывает с некоторыми особенностями ментальности русского человека. Подчёркивая «*русскую сложность*», Л. И. Бородин пишет: «*русский человек восприимчив к максималистскому образу проблем, когда они, проблемы, не только мифобразны по форме, но и апокалиптичны по существу*»¹.

Стремление понять истоки этих проблем, поиски выхода приводят автора к чтению трудов русских философов («*Соловьёв, Леонтьев, Победоносцев, все ранние и поздние славянофилы, Ильин, Булгаков, Бердяев, Шестов, Солоневич и тьма чего ещё*»²), и именно в русской философии Л. И. Бородин находит ответы на многие мучившие его вопросы. Прецедентное имя в тексте, как и концепт, им представляемый, – значимый параметр языковой личности [9, с. 23]. Благодаря целому корпусу прецедентных имён, соотносимых с русской философской мыслью, в текст произведения входит информация, декодирование которой возможно только с опорой на семантическую память читателя, при этом у каждого читателя (с его индивидуальной памятью, её объёмом и особенностями) свой вариант интертекстуального диалога. Но главное, полагаем, заключается в другом. Многочисленные отсылки к философским концепциям отражают запросы автора к духовной интеграции высоких достижений русской культуры XIX – начала XX вв. в процессы национально-культурного возрождения России на рубеже XX–XXI вв. Философские тексты особым образом преломляются в актах осмысления картин современности. У Л. И. Бородина это процессы возрождения основ национального самосознания, христианской культуры и обретения веры в Бога.

Индивидуально-авторский концепт *вера* как основа идиостиля Л. И. Бородина

В современной лингвистике достаточно чётко проявляются два подхода к изучению концептов: лингвокогнитивный и лингвокультурный, различающиеся преимущественно векторной направленностью на индивида: «лингвокогнитивный – направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – направление от культуры к индивидуальному сознанию» [11, с. 95]. Для описания концепта *вера*, представленного в автобиографическом повествовании Л. И. Бородина «*Без выбора*», в его общезыковых и частных, специфических чертах, полагаем, необходимо предпринять опыт совмещения данных подходов, поскольку в отражении феномена связи языка и ментальной сферы человека – языкового сознания автора – в изучаемом произведении формируется индивидуально-авторский концепт *вера*, составляющий основу идейного содержания авторского повествования и его композиции как произведения уникального жанра, созданного Л. И. Бородиным.

Концепт *вера* как один из основных в русской языковой картине мира и базовых в системе национальных ценностей традиционно вызывает интерес исследователей в аспекте описания когнитивных характеристик его языковых репрезентаций, причём на уровне как языкового сознания, так и метаязыкового [10; 14 и др.]. Разработки моделей духовного концепта *вера* предлагают Ю. С. Степановым³, А. Петриковой [10], Е. В. Бобыревой [3], Т. Б. Радбилем [12] и др.

Резюмируя информацию, представленную в современных лингвистических исследованиях, необходимо отметить различия в структурировании концепта *вера* в русской языковой картине мира при преимущественной общности взглядов учёных на вопросы, связанные с его семантическим объёмом и языковыми средства-

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 94.

² Там же. С. 77–78.

³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проспект, 2004. С. 402–418.

ми репрезентации (что основано прежде всего на достижениях лексикографии). *Вера* (номинант изучаемого концепта) – это «признание чего-л. истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью; твёрдое убеждение в неперменном осуществлении, неизбежности чего-либо предстоящего»; кроме того, это «состояние сознания верующего, религия; определённое религиозное учение, вероисповедание; перен. направление в общественной жизни, науке, искусстве»¹.

Ядром концепта *вера* в русском языке, по мнению Е. В. Бобыревой, является «твёрдое убеждение в существование Бога». К числу периферийных компонентов учёный относит «уверенность, убеждённость в чём-либо». В широком понимании *вера* – это всё религиозное учение, в более узком понимании – отношение человека к Богу [3, с. 104]. По мнению А. С. Поляковой и А. А. Рябоконе, к ядру смыслового поля *веры* относятся: 1) убеждённость, уверенность в ком-то или чём-то; 2) убеждение, уверенность в существовании Бога; 3) признание истины без доказательств; 4) полное доверие [11, с. 96]. Полагаем, различные взгляды на понимание структуры концепта *вера* (различия в выделении его ядра и периферии) обусловлены мировоззренческими установками исследователей. А выявление как минимум девяти лексических значений у номинанта концепта, слова *вера* [12, с. 28–29], подтверждает, что «русские люди – осознанно или, по большей части, бессознательно – склонны концептуализировать в терминах *веры* самые разнообразные стороны духовной жизни, ментальной, психической или социальной действительности» [12, с. 27].

Особенности структурирования концепта *вера*, отражённые в автобиографическом повествовании «Без выбора», также обусловлены особенностями авторского

сознания. Причём концепт *вера* является здесь не только смысловым центром выражения авторской концепции миропонимания, что наблюдается и в других произведениях Л. И. Бородина [5, с. 253]. Бинарная оппозиция *вера / неверие* в данном произведении становится основным стимулом развёртывания процессов смыслопорождения текста и формирует на когнитивном уровне его композицию, характеризующейся зеркальной смысловой трансформацией определённого концептуального содержания, что схематично, с опорой на изучаемый текст, можно представить следующим образом: процессы формирования языковой личности автора в начале произведения коррелируют с характеристиками сознания типичного советского человека (*вера в правду, вера в справедливость, вера в идеалы социализма и в светлое будущее и отсутствие веры в Бога / неверие в Бога, атеизм; несколько упрощённо: неверие в Бога, а вера в Великую Идею*) и постепенно, под воздействием социальных факторов и в результате постижения основ православной аксиологии в авторском сознании происходят утрата *веры в Великую Идею* и обретение *веры в Бога*. Предметом напряжённой рефлексии писателя становится именно этот процесс глобальной ментальной трансформации, происходящей под влиянием картин окружающей действительности, точнее, её непостижимых контрастов: «*Байкал... Михалёво... Громадный лагерь... Однажды был массовый побег. Нам запрещали ходить в тайгу... Слюдянка... Зоны... Рудники... (Только через сорок лет узнаю, что именно там сгинул мой отец.) Иркутск... С любого бока зоны... Черемхово... Лагеря... Шахты... Тулун... Зона, тюрьма, поселения ссыльных... И ещё эшелоны с конвоем и решётками... Их несчётно выдвигал во всех местах проживания. Одинаковые. Будто один и тот же гоняют туда-сюда по мере надобности*»²; «*оказался я в Норильске, ещё недавно бывшем единым громадным концлагерем, а*

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 158.

² Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 20–21.

в 1957-м объявленном ударной стройкой коммунизма»¹.

Лексемы *уверенность, убеждение, доверие* как репрезентанты концепта *вера*, зафиксированные практически во всех толковых словарях, странным образом оказываются неактуальными для описаний современной жизни в повествовании «Без выбора»: «Только что партия коммунистов торжественно провозгласила: “Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!” И неважно, что никто, решительно **никто не верил** в провозглашённое. Важно другое: то самое “**нынешнее поколение людей**” освоило способ жизни без веры во что-либо “торжественно провозглашаемое”. Такое освоение свершилось на уровне элементарного инстинкта выживания. Оно же, **выживание, диктовало** (опять же на уровне инстинкта) **искреннее отталкивание от всякого формулирования этого самого всеобщего неверия**»² (выделено нами. – Е. Ф.). Наряду с номинацией «*способ жизни без веры*» используются: «*наука проживания без веры*», «*моё неверие*», «*задыхалась от безверия, заполняющего душу*» и т. д.

Проводимые в современной науке психолингвистические эксперименты показывают, что в сознании носителей русского языка «неверие» прежде всего связано с *неправдой, ложью, обманом, притворством, недоверием, сомнением* и затем уже *атеизмом, отрицанием веры и отказом от веры* [14, с. 175]. И если обычный советский человек по поводу своего неверия не рефлексирует («*В том его особенность и неповторимость*»), для Л. И. Бородина это повод не только для раздумий, но для полемики с другим своим великим современником: «*Тщетно А. И. Солженицын призывал жить не по лжи. Поздно. Люди научились жить по “не вере”. Причём все – от колхозника до члена Политбюро. Именно по “не вере”, а не по лжи, что, как*

оказалось, вовсе не одно и то же»³ (выделено нами. – Е. Ф.).

Использование религиозной лексики для трансляции не только религиозного, но и нерелигиозного (или псевдорелигиозного) содержания (вовлечение её в семантические поля русских идеологом XX в.) является способом концептуализации действительности на основе ассоциаций, позволяющих усматривать сходство, аналогию, смежность между различными формами общественного сознания:

«*Тысячи русских душ измордовал марксизм – величайшая утопия, вылупившаяся из хилиастической ереси раннего христианства*»⁴ (выделено нами. – Е. Ф.);

«*Построение Царства Божьего на земле, царства всеобщей справедливости, где всяк равен всякому во всех аспектах бытия, именно это обещано антихристом. Цена этому осуществлению – Конец Света, то есть всеобщая гибель.*

Хилиастическая ересь потому и была отвергнута и осуждена христианством, что как бы содержала в себе формулу гибели человечества через соблазн внебожьего преодоления несовершенства человека и всего им творимого. Спекулируя на естественном, всеми мировыми религиями благословленном стремлении человека к улучшению бытия посредством нравственного совершенствования, просто и чётко сформулированного в заповедях, хилиастический социализм освобождал человека от тяжкого морального напряжения и выносил причину мировых бед, бедствий и страданий вовне, в структуру бытия, каковую надо было просто “переделать” соответствующим образом, чтобы сама по себе “заработала” модель всемирного счастья.

В том был главный обман, и поскольку обман постепенно принял почти религиозную форму, то естественно было авторство этого обмана “заперсонифицировать” на антихристе. *На дьяволе*»⁵ (выделено нами. – Е. Ф.);

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 21.

² Там же. С. 60.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 95.

«И, по главной христианской молитве судя, лукавость – самое пагубное состояние человеческой души. Лукаво жили»¹ (выделено нами. – Е. Ф.).

Даже любимая народом песня Булата Окуджавы в контексте автобиографического повествования «Без выбора» оказывается мрачно идеологизированной: знаменитое «Возьмёмся за руки, друзья...» воспринимается Л. Бородиным как «один из рецептов лукавого душевного равновесия. А в молитве-то нашей как? **“Но избавь мя от лукавого...”**»².

Таким образом, особенности исторического развития России в XX в. писатель анализирует с позиций ментальности верующего человека – христианина («действенность религиозного покаяния и отпущения грехов моему уму была известна и будто бы понятна»³). Попытки заменить веру идеологией оказались безуспешными: «Тихо жили по-советски, так же тихо от этой жизни отреклись»⁴; «**Великий суррогат веры – социализм – истекал из души по каплям**»⁵. В сознании советского человека есть жажда обновления и доверия. Но это стремление, желание, но не реальность.

В тексте анализируемого произведения многочисленны примеры контаминации смыслового содержания религиозной лексикой и идеологием XX в., что отражает конкретно-исторический духовный опыт человека: «**Коммунистическая идея также имела свой прообраз – Царство Небесное, где торжествует всеобщая радость**»⁶; «народ, исповедуя социалистическую идею...»⁷; «**Подальше от греха, то есть от вредной пропаганды, убрали из нашей камеры “бытовиков”**»⁸; «**борцы с ересью**»⁹ (сотрудники правоохранительных органов), «**вождём восстановлены традицион-**

ные институты национальной имперской власти, оплодотворённые чуть ли не христианской по происхождению социальной программой. Отсюда и фразеология: **социалистические общины первых христиан; Христос – первый коммунист**; «**после лукавых хрущевских откровений**»; «**борьба за формальное исповедание обществом марксистско-коммунистических догм, за принуждение к лукавой лояльности сыграла решающую роль в дезориентации общества на момент социальной катастрофы**»¹⁰ (выделено нами. – Е. Ф.). Прецедентный агионим Христос проявляет не только номинативно-идентифицирующую функцию, но и характеризующую, поскольку актуализирует стоящие за ним ситуации, события, тексты [1, с. 118]. Объективно предпосылкой такой контаминации служат «базовые номинанты концепта **вера**, лежащие в основе светского и православного дискурса» [2, с. 95].

Процесс обретения веры представлен в авторском повествовании не как итог, а как начало нового пути, точнее, трудный поиск этого пути: «**В душах наших преобладала не столько вера в правильность избранного пути, сколько готовность отправиться в путь**»¹¹ (выделено нами. – Е. Ф.). Возможно, поэтому частотно используется в тексте в различных позициях частица **не**; нравственные ценности читатель постигает через систему заявленных автором отрицаний: «**Мы не верили в возможность принципиально бездуховного бытия в русском исполнении**»¹² (выделено нами. – Е. Ф.).

Выработанные самосознанием автора собственные принципы отношения к окружающему миру, к Богу, к другому человеку позволяют ему открыто заявить о своём понимании причин развала СССР: «**Экономические и геополитические причины краха российского коммунизма можно считать вторичными, потому как известно, что именно вера сдвигает горы... Либо их “задвигает” ... Экономика же лишь**

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 61.

² Там же.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 167–168.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 57.

способствует и соответствует»¹ (выделено нами. – Е. Ф.). Именно такое понимание побуждает Л. И. Бородину к вступлению 17 октября 1965 г. во *Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа* – подпольную антикоммунистическую организацию, нацеленную на возрождение тысячелетней России. Конкретно-историческое повествование, включающее изложение фактов, представление документов, воспоминания, вырастает в мифологизированную картину соборной молитвы с чётко выраженными элементами религиозного стиля и ритмикой молитвенного текста: «Десяток-полтора православных и всерьёз обсуждали возможность однажды, в один день и час всем, кто ещё верит в Бога, совершить соборную молитву о даровании России пробуждения от марксистского полусна – и да будет она услышана, и да не допустит Господь распада и тления, а восстановит чудом Своим и милостью Россию вечную, где всё доброе сохранилось, а худое истекло или истлело в бессилии»². В контексте произведения номинация *молитва* обретает глубокое символическое содержание, превращается в слово-символ как концентрацию духовных ценностей народа и его духовного опыта.

Заключение

Изучение текста автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора» в аспекте осмысления проблемы соотношения лингвистических категорий *языковая личность* и *идиостиль писателя* позволяет выявить факты ментальной детерминированности процессов текстопорождения, организующих систему используемых языковых средств и их композиционных форм, когнитивными доминантами языковой личности автора, среди которых особую значимость имеет концепт *вера*. Поворот сознания типичного советского человека к ценностям христианской культуры, обретение веры в

Бога predetermined процессами исторического развития России середины и конца XX в., вскрывшими несостоятельность догм интернациональной коммунистической идеологии. Национально-культурные традиции жизни русского народа, потребность в духовной интеграции высоких достижений русской культуры XIX – начала XX вв. с процессами национально-культурного возрождения России на рубеже XX–XXI вв. predetermined индивидуальную языковую картину мира писателя.

Концепт *вера* представлен значительным корпусом слов, традиционно относимых к религиозной лексике русского языка. Однако реализация лингвокультурологического потенциала данных слов воплощена автором как их контекстуальное переосмысление, являющее контаминацию традиционного, религиозного содержания и содержания культурно-коннотированной лексики, номинирующей идеологемы XX в.

Таким образом, индивидуально-авторский концепт *вера*, наполненный в автобиографическом повествовании Л. И. Бородин конкретным историческим содержанием, связанным с контекстом социально-политического развития России второй половины XX в., в то же время отражает основные этапы развития авторского сознания, является тем стержнем, вокруг которого организованы многочисленные сюжетные линии анализируемого произведения, что составляет основу идейного содержания и особенности композиционных форм данного сочинения, т. е. predetermined основные жанровые характеристики и жанровое своеобразие автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора».

Отражение в автобиографическом повествовании «Без выбора» процессов концептуальной интеграции результатов дискурсивной (стереотипной по своей природе) деятельности множества субъектов представляется как одна из отличительных языковых стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя. Используемые автором композиционные формы подчинены динамике развития сложных концеп-

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 57.

² Там же. С. 182.

туальных структур, представляющих различные типы информации, что в том числе обуславливает ассоциативную интертекстуальность авторского повествования, в частности, значительное количество прецедентных имён, соотносимых с великой русской философской мыслью.

Информационная насыщенность текста, значимость представленной в сочинении

проблематики предопределили уникальность жанра «автобиографического повествования» Л. И. Бородина, в котором достаточно чётко проявляется конвергенция публицистического и художественного дискурсов в сочетании с элементами исторического и социологического исследования.

Статья поступила в редакцию 22.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова Ю. А. Прецедентные агонимы как средства вербализации концепта ВЕРА / НЕВЕРИЕ в новейшем немецкоязычном романе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 4. С. 115–122.
2. Балашова Е. Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕРА / FAITH в русском и английском языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 92–98.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
4. Болотнова Н. С. К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 164–168.
5. Васильева Т. И. Формы выражения авторского сознания в прозе Л. И. Бородина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 252–256.
6. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. Ярославль: Редакционно-издательский отдел ЯГПУ, 2019. 184 с.
7. Корниенко Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 265–271.
8. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 38–41.
9. Леденёва В. В. Прецедентное имя Святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н. С. Лескова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy> (дата обращения: 28.01.2021).
10. Петрикова А. Концепт «Вера» в православном и католическом (восточного обряда) дискурсах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2009. № 8. С. 36–47.
11. Полякова А. С., Рябоконт А. А. Концепты «Вера» и «Доверие» в русской и британской лингвокультуре // Современные тенденции в науке, технике, образовании: X международная научно-практическая конференция, Смоленск, 18 мая 2020 г. Смоленск: Наукосфера, 2020. С. 95–103.
12. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
13. Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 75–81.
14. Талапова Т. А. Языковое и метаязыковое представление синонимических отношений, актуализирующих концепт *Вера* / *Неверие* в русской языковой картине мира // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 1 (52). С. 172–176.

REFERENCES

1. Blinova Yu. A. [Precedent Hagionyms as a Means of Verbalizing the Concept of FAITH / DISBELIEF in the Latest German-language Novel]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology], 2020, vol. 26, no. 4, pp. 115–122.
2. Balashova E. Yu. [Nominative Density of the Linguocultural Concept of VERA / FAITH in Russian and English]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2010, no. 2, pp. 92–98.
3. Bobyreva E. V. *Religioznyi diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (Based on the Orthodox Doctrine)]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 375 p.

4. Bolotnova N. S. [On the Problem of the Concept of “Cognitive Style of a Linguistic Personality”]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2012, no. 10 (125), pp. 164–168.
5. Vasileva T. I. [Forms of Expression of the Author’s Consciousness in the Prose of L. Borodin]. In: *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2015, no. 2 (48), pp. 252–256.
6. Bojchuk E. I., Voroncova I. A., Shlyahtina E. V., Belyaeva O. V. *Idiostil’ i ritm teksta* [Idiostyle and Rhythm of the Text]. Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical University Ed. off. Publ., 2019. 184 p.
7. Kornienko E. R. [Idiolect and Idiostyle: On the Problem of the Correlation of Concepts]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2019, no. 1, pp. 265–271.
8. Ledeneva V. V. [Idiostyle (To Clarify the Concept)]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 5, pp. 38–41.
9. Ledeneva V. V. [The Precedent Name of the Holy Prince Vladimir in the Conceptual Space of Texts by N. Leskov]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2015, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy> (accessed: 28.01.2021).
10. Petrikova A. [Concept of Faith in the Orthodox and Catholic (Eastern Rite) Discourses]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University], 2009, no. 8, pp. 36–47.
11. Polyakova A. S., Ryabokon’ A. A. [Concepts of Faith and Trust in Russian and British Linguoculture]. In: *Sovremennye tendentsii v nauke, tekhnike, obrazovanii: X mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Smolensk, 18 maya 2020 g.* [Modern Trends in Science, Technology, Education: X International Scientific and Practical Conference, Smolensk, May 18, 2020]. Smolensk, Naukosfera Publ., 2020, pp. 95–103.
12. Radbil T. B. [Faith as the Basis of World Perception and World Outlook in the Russian Language Picture of the World]. In: Arutyunova N. D., Kovshova M. L., eds. *Lingvokulturologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kulturakh* [Linguoculturological Studies. Logical analysis of language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2019, pp. 23–35.
13. Starkova E. V. [The Problem of Understanding the Phenomenon of Idiostyle in Linguistic Research]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2015, no. 5, pp. 75–81.
14. Talapova T. A. [Linguistic and Metalanguage Representation of Synonymous Relations that Actualize the Concept of Faith]. In: *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Disbelief in the Russian Language Picture of the World], 2009, no. 1 (52), pp. 172–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко Е. А. Когнитивные доминанты идиостиля и их жанрообразующие функции в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67

FOR CITATION

Fedorchenko E. A. Cognitive Dominants of The Author’s Idiostyle and Their Genre-Forming Functions in The Autobiographical Narrative of “Without Choice” by L. Borodin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67